

Бу Тянь очнулся от пронизывающей стужи. Вокруг, куда ни глянь, расстилалась бескрайняя снежная белизна. Он тупо уставился на собственные ладони, оцепенев. Ледяной ветер швырял в лицо колючую снежную крупу, отзывавшуюся колкой, зудящей болью. На нем была лишь тонкая рубашка — та самая, в которой он ходил днем. Понемногу буран улегся, и завеса белой мути начала рассеиваться.

Шагах в десяти впереди стоял человек, повернувшись к нему спиной. Рослый, широкоплечий силуэт с ультракоротким ежиком волос, одетый в плотную черную куртку. Сердце снова бешено заколотилось, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Мужчина вдруг присел.

Бу Тянь беззвучно открыл рот, но среагировал быстрее, чем успел подумать: он сорвался с места и бросился вперед. Незнакомец без малейшего предупреждения уперся ладонью в лед и плавным, почти щегольским движением скользнул в черную полынью. Только тут Бу Тянь осознал, что стоит на бескрайней ледяной глади. Добежав до рваных краев ледяного провала, куда канул мужчина, он в отчаянии упал на колени. Но на этот раз слез не было. Сцепив зубы, Бу Тянь ринулся следом в ледяную бездну.

Бу Тянь судорожно распахнул глаза. Он почувствовал, как затылок утонул в мягкой подушке. Он тяжело, со свистом хватал ртом воздух, когда в тишине комнаты внезапно зазвонил будильник. Спускаясь со второго яруса кровати, он все еще пребывал в полузабытьи. Он оступился на ступеньке. Бу Тянь едва не полетел кубарем на пол — в последний момент успел вцепиться в железный поручень, покрывшись липким холодным потом от внезапного испуга.

Разрушительное землетрясение в провинции Юньнань всколыхнуло всю страну. В университете тут же объявили сбор средств для пострадавших, и Бу Тянь, не задумываясь, отдал все свои деньги на месяц вперед. На общем собрании староста даже отдельно выделил его поступок, заставив аудиторию разразиться аплодисментами.

Сам Бу Тянь и не понимал, какой бес в него вселился, но дело было сделано. Забрать деньги обратно не представлялось возможным, так что приходилось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Когда он увидел, как прижимистый Лю Цинчжоу со скрипом выдавил из себя жалкие двадцать юаней, ему захотелось самолично отрубить себе руку. Накануне, сразу после тех жутких новостей, голова у него соображала туго. Стоило услышать о сборе средств, как он, не глядя, выгреб из кармана только что снятые в банкомате деньги и отдал все до последнего гроша. И лишь на следующее утро пришло горькое протрезвление.

— Лаода, ну почему ты меня не остановил? — простонал Бу Тянь, глядя на Фань Чжиюаня.

Чжиюань, который в их комнате вечно нянчился со всеми как наседка, лишь тяжело вздохнул, глядя на него как на безнадежного дурака:

— Да ты мне ни слова не сказал, чудила! Я когда тебя увидел, ты уже купюры в коробку совал. Мне что, нужно было у старосты их из рук вырывать?

— Мы с Лаодой всего на одну ночь в компьютерный клуб ушли, а тебя уже Цинчжоу успел на

слабо взять? — невнятно пробормотал Чжун Хань, усердно орудуя зубной щеткой.

Бу Тянь со стоном плашмя рухнул на кровать, чувствуя себя абсолютно раздавленным. Ухватившись за край одеяла, он перекатился на бок, заворачиваясь в него с головой, точно гусеница в кокон.

Его терзало глухое беспокойство. И дело было не только в потерянных деньгах, на которые предстояло как-то выживать целый месяц. С тех самых пор, как он мельком увидел те злосчастные новости, в груди поселилась странная, непреходящая тревога. Стоило ему вспомнить о случившемся, как он чувствовал, как сердце будто прошибает слабым разрядом тока, оставляя ноющую боль. Это изматывающее чувство, лишенное всякой логики, упрямо не давало ему покоя — точь-в-точь как тот нелепый сон.

Бу Тянь пытался искать в сети хоть какие-то упоминания о человеке по имени Цю Сяонань, но поисковики упорно выдавали пустоту. Постепенно волна новостей сошла на нет, событие затерялось в бесконечном потоке информации, и он тоже стал забывать об этом. В конце концов, в мире полно всякой чертовщины, и если забивать себе голову каждой странностью, никакой жизни не хватит.

Однако на занятиях по истории западной философии расслабиться не получалось. Преподаватель курса, Ян Гуанфэй, взял моду постоянно вызывать Бу Тяня к доске, а вдобавок повадился подкидывать ему индивидуальные домашние задания. Он сам к академическим вершинам отнюдь не стремился, и подобное «особое отношение» казалось ему изощренной пыткой.

— Что это с Ян Гуанфэем? — недоумевал Фань Чжиюань. — Неужто положил глаз на нашего Тянь-сяо?

— О, вы просто не в курсе, — со знанием дела протянул Лю Цинчжоу, напуская на себя таинственный вид. — Эта интрига завязалась еще в тот день, когда вы, лоботрясы, прогуляли пары...

— Короче давай, — оборвал его Чжиюань.

— Короче, он вызвал Тянь-сяо отвечать, и между ними прямо искра пробежала!

Бу Тянь молча подцепил палочками по куску мяса из своей тарелки и бесцеремонно заткнул обоим рты:

— Ешьте и помалкивайте.

Чжун Хань тем временем преспокойно стащил у Бу Тяня еще один кусок:

— А если серьезно, о чем он с тобой так долго толковал после лекции?

Бу Тянь на мгновение задумался, а затем со вздохом покачал головой:

— Да так... пытался просветить меня насчет устройства вселенной.

— Не знал, что наш препод — латентный сектант, — хмыкнул Лю Цинчжоу.

— Его теория... слишком дикая, — признался Бу Тянь. — Я не могу в это поверить. Точнее, просто боюсь поверить. Слишком уж все переворачивается с ног на голову. Если принять его слова на веру, то все фундаментальные законы физики и математики придется выбросить на помойку и переписать заново. Но это полбеды. Сложнее всего было бы склеить треснувшую человеческую психику.

Чжун Хань кивнул, согласно прищурившись:

— Да, я слышал краем уха. Говорят, Ян Гуанфэй — ярый сторонник теории перезагрузки времени.

Бу Тянь, никогда прежде не сталкивавшийся с подобным термином, нахмурился:

— И что это за зверь такой?

— Да ладно тебе, бро, это же классика! — фыркнул Цинчжоу. — Смысл в том, что после двенадцатого года мы все застряли в бесконечном конце света. Земля якобы законсервировала время двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года, и с тех пор мы по кругу проживаем одни и те же дни. Ты совсем за учебниками отупел?

«Ну и бредятина», — подумал Бу Тянь.

— Наверняка Гуанфэй подвел под это дело собственную научную базу, — заметил Чжун Хань, сосредоточенно обглаживая косточку. — Вряд ли его гипотеза ограничивается банальными интернет-байками.

Фань Чжиюань назидательно постучал палочками по краю подноса:

— Так, господа ученые, попрошу не осквернять обеденный стол псевдонаучными бреднями.

Чжун Хань, отличавшийся редким занудством, тут же возразил:

— Да какая это наука? Обычные байки.

Он произнес это с таким непроницаемо-серьезным лицом, что у остальных мигом пропало желание спорить. Чжун Хань явно вознамерился развить мысль, но Лю Цинчжоу вовремя вклинился, спасая положение:

— Да какая разница! Сколько там человеку суждено прожить? На наш век хватит, а до остального дела нет. Давайте лучше есть, пока горячее.

Опасаясь, что Чжун Хань все-таки разразится часовой лекцией, приятели дружно закивали и с удвоенным рвением принялись за еду.

— Цю Сяонань, — женщина в строгой форменной одежде с глухим стуком шлепнула две синие печати на поданный им рапорт. — Постарайся впредь быть аккуратнее. За один только этот месяц ты умудрился дважды засветиться.

Цю Сяонань не стал оправдываться, лишь молча кивнул. Его волосы теперь были сострижены еще короче, почти под ноль. Одетый в простую черную футболку и прямые джинсы, он казался еще более поджарым, высоким и широкоплечим.

Покончив с формальностями, чиновница подняла на него усталый взгляд:

— Ты ведь еще вчера должен был вернуться. Где тебя носило?

— Навещал родные места, — негромко ответил Цю Сяонань.

Женщина удивленно изогнула бровь:

— Разве у тебя там кто-то остался?

— Теперь уже нет, — ровно произнес он.

— Мы все в одной лодке, — вздохнула она, поправляя очки. — Постарайся не заикливаться на этом.

Сяонань молча кивнул:

— Я пойду.

— Не забудь заглянуть в отдел распределения за новым заданием. — Она на секунду замялась, провожая его взглядом. — И... удачи тебе.

— Взаимно, — отозвался он и вышел за дверь.

Бу Тянь отправился в восточный жилой корпус, чтобы разыскать Чэн Фэна — своего приятеля с факультета психологии. В холле каждого этажа студенческого общежития висело по телевизору. Облокотившись на перила ограждения, парни лениво наблюдали за мерцающим экраном и вели неспешную беседу.

— Слушай, из трех профильных экзаменов я умудрился завалить два, да и лицензию консультанта так и не защитил, — с усмешкой признался Чэн Фэн. — И ты серьезно пришел ко мне за психологической помощью?

— Да ладно тебе, помоги разобраться по-дружески, — попросил Бу Тянь.

Чэн Фэн тут же напустил на себя важный вид, так и сыпля книжными истинами:

— Ну, если цитировать старину Фрейда, наши сновидения — это лишь искаженное отражение вытесненных желаний и подавленных эмоций...

— Да не нужны мне эти учебники! — нетерпеливо перебил его Бу Тянь. — Я хочу понять одно: как, черт возьми, мне мог присниться абсолютно реальный человек, которого я в глаза никогда не видел? Причем на следующий же день я вижу в новостях сюжет о его гибели!

— Откуда в тебе такая уверенность, что вы никогда не пересекались? — возразил Чэн Фэн. — Вполне возможно, ты когда-то мельком заметил его в толпе. Сработала кратковременная или сенсорная память: мозг зафиксировал образ, а сам ты этого даже не осознал. И вот теперь этот силуэт выплыл из подсознания.

Бу Тянь упрямо мотнул головой:

— Нет, тут другое. Когда я видел его во сне, у меня не было ощущения, будто передо мной чужак. Это была какая-то слишком глубокая, личная связь.

Чэн Фэн на мгновение замолчал, внимательно вглядываясь в лицо друга.

— Что? — спросил Бу Тянь.

— Послушай... — Чэн Фэн почесал затылок. — Может, мне познакомить тебя с кем-нибудь? Ну, знаешь, с девушкой...

Бу Тянь лишился дара речи.

— Да нет же! — сквозь невольный смех выдохнул он. — Все совсем не так, как ты себе понапридумывал!

— Если следовать теории о том, что сны — это проекция скрытых влечений, у тебя в подсознании явно зреет какая-то нереализованная потребность. Ладно, колись, какие девчонки тебе по вкусу, а я уж постараюсь...

— Да мужчина это был, понимаешь? Обычный мужик!

— Ну, тут дело такое, деликатное... — хмыкнул Чэн Фэн. — Да и образы во снах часто искажаются, принимая самые причудливые формы.

Бу Тянь лишь обреченно покачал головой, собираясь перевести разговор в шутку, но, случайно бросив взгляд на экран телевизора, внезапно застыл на месте.

Чэн Фэн проследил за его ошеломленным взглядом. На экране шел криминальный выпуск новостей. Диктор рассказывал о вооруженном захвате заложника: преступник забаррикадировался в здании, и один из офицеров полиции пошел на смертельный риск, предложив обменять себя на гражданского. В ходе штурма оперативный сотрудник попал под огонь и погиб на месте. В правом верхнем углу экрана транслировали его портрет в траурной рамке.

«Симпатичный парень, — мысленно отметил Чэн Фэн. — И совсем еще молодой. Жаль бедолагу».

Бу Тяня затрясло. Он медленно поднял дрожащую руку и указал на экран:

— Это он...

— Что? — не понял Чэн Фэн.

— Это он! — сорвался на крик Бу Тянь. — Тот самый человек из моего сна! Это точно он!

Чэн Фэн мгновенно посерьезнел и выпрямился, нахмутив брови:

— погоди. Ты же говорил, что тот мужчина погиб при спасательных работах во время землетрясения в Юньнани?

— Да черт его знает! — Бу Тянь заметался на месте. — Но это точно он! Я до последней буквы

помню его имя — Цю Сяонань. Это он, клянусь тебе!

— Спокойно, Бу Тянь, дыши глубже, — попытался утихомирить его приятель. — Ты ведь сам только что рассказывал, что во втором сне так и не разглядел его лица?

— Ты не понимаешь! — Бу Тянь отчаянно мотнул головой. — Мне и не нужно видеть лицо. Я просто всем существом чувствую, кто это.

В ту же секунду его с новой силой захлестнула удушающая, неподъемная волна скорби. Он изо всех сил старался сдержать дрожь, чтобы не выдать своего внезапного помешательства.

— Бу Тянь... Бу Тянь, эй, что с тобой? — встревоженно окликнул его Чэн Фэн, видя, как бледнеет приятель.

Но разум Бу Тяня, вопреки бушевавшим эмоциям, лихорадочно цеплялся за детали. Он резко вскинул руку, призывая к молчанию:

— Тише... Слушай, как его назовут.

Голос телеведущего зазвучал подчеркнуто скорбно:

—...офицер народной полиции, товарищ Цю Сяонань, трагически погиб при исполнении служебного долга...

Чэн Фэн застыл, недоверчиво уставившись на экран.

— Ну вот, видишь?! — зашептал Бу Тянь, судорожно вытаскивая из кармана мобильник. — И в прошлый раз эту новость видел не я один! Ее крутили по всем каналам, Лю Цинчжоу мне ее сам показывал!

Он дрожащими пальцами пытался навести камеру на экран, чтобы сделать снимок, но объектив никак не мог поймать фокус.

Ворвавшись обратно в комнату общежития, Бу Тянь с порога налетел на Лю Цинчжоу и мертвой хваткой вцепился ему в плечи.

— Ты что, совсем ничего не помнишь?! — выкрикнул он, тяжело дыша. — Тот экстренный выпуск про землетрясение в Юньнани, который ты мне сам показывал! Это же тот самый спасатель, который пропал без вести!

Лю Цинчжоу испуганно захлопал глазами, переводя взгляд с Бу Тяня на экран телефона:

— Да ну... Разве это он? Хоть убей, не помню никакого спасателя с таким лицом.

— Да наярйгы ты свои извилины! Подумай хорошенько! — Бу Тянь тряхнул его за плечи.

Цинчжоу поморщился от боли — друг впился пальцами в его тело подобно стальным тискам, — но куда сильнее его напугал этот безумный взор.

— Бу Тянь, остынь, — вмешался вошедший следом Чэн Фэн, мягко убирая его руки от перепуганного однокурсника. — Прошло уже порядочно времени, человек мог просто забыть детали, это нормально. Если сюжет действительно выходил в эфир, мы легко отыщем его в сети.

Бу Тянь выпустил плечи Цинчжоу и бросился к своему столу, резко сорвав крышку ноутбука.

Лю Цинчжоу, осторожно потирая ушибленное плечо, испуганно покосился на него и беззвучно, одними губами спросил у Чэн Фэна:

«Что с ним стряслось? Он с ума сошел?»

Чэн Фэн лишь неопределенно пожал плечами и пододвинул стул, усаживаясь рядом с Бу Тянем, который уже лихорадочно вбивал поисковые запросы.

Но поисковик упрямо молчал.

Ничего. Вообще ничего.

О такой колоссальной катастрофе, как юньнаньское землетрясение, в сети нашлось от силы десятков коротких заметок. Информационный вакуум казался абсурдным, почти пугающим. И, разумеется, ни одной фотографии, ни единого упоминания имени Цю Сяонаня среди списков спасателей обнаружить не удалось.

Бу Тянь бессильно опустил голову на руки, запустив пальцы в волосы.

— Ну как же так... Как это возможно? — глухо проговорил он.

Чэн Фэн сидел рядом, задумчиво разглядывая пустую страницу поисковой выдачи.

Бу Тянь горько усмехнулся, не поднимая глаз:

— Ладно. Кажется, мне и впрямь пора сдаваться психиатрам.

— Но откуда тогда ты узнал его имя еще до того, как его назвали по телевизору? — тихо спросил Чэн Фэн.

Бу Тянь замер.

— Даже если поверить в теорию скрытой памяти, — продолжил психолог, — и предположить, что ты где-то пересекался с ним и случайно запомнил его имя... Как объяснить это невероятное совпадение? Он снится тебе в деталях, а на следующий день погибает в прямом эфире.

Бу Тянь наконец немного успокоился и поднял взгляд на друга:

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему конкретному, — Чэн Фэн внезапно посерьезнел. — Просто пойми одну вещь, Бу Тянь. Наш мир устроен гораздо сложнее, чем написано в академических учебниках. Далеко не всё в нем можно просчитать на калькуляторе или втиснуть в рамки научных законов.

— Но мне нужно рациональное объяснение, понимаешь? Хоть какое-то.

Чэн Фэн лишь со вздохом развел руками.

— Ладно... Спасибо, что выслушал, — выдохнул Бу Тянь, закрывая крышку ноутбука.

Приятель похлопал его по плечу и кивнул на пустой экран:

— Не спеши признавать себя сумасшедшим и ставить на себе крест.

Бу Тянь вопросительно изогнул бровь.

— Этот мир чертовски удивителен, — с мягкой улыбкой добавил Чэн Фэн. — Кто знает, на что способен наш разум.

И Бу Тянь в глубине души понимал, что тот абсолютно прав.